

Евразийство

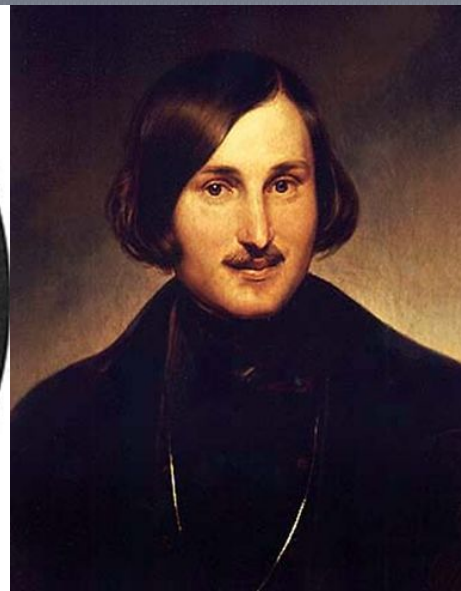
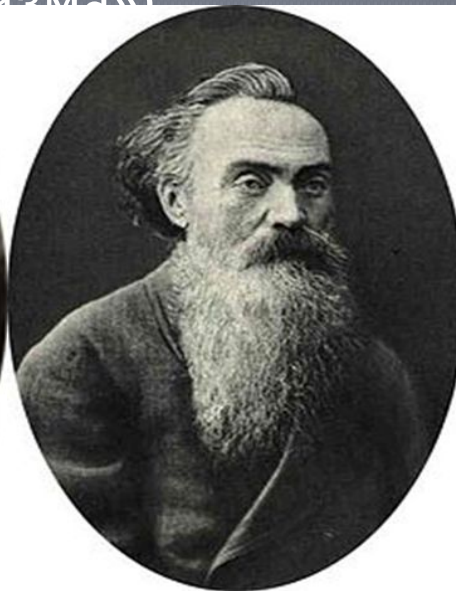
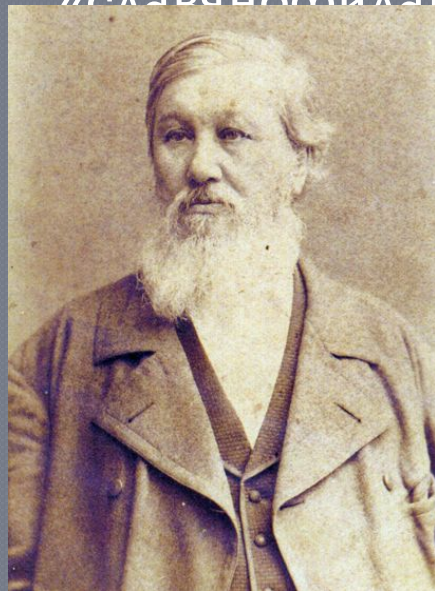
Подготовили
Севара
Дусметова
Оксана Бабенко
Богдан
Петрашко

2019

Евразийство — философско-политическое направление, зародившееся в среде русской эмиграции 1920-1930х гг. Участники движения утверждали, что более важную роль в сложении политической культуры Евразии сыграла не Киевская Русь, а кочевая Империя Чингисхана. Также они считали, что евразийское пространство должно быть объединено в единое государственное образование, где ведущую роль играли бы не русские, а содружество славянских и «туранских» народов (финно-угорских, тюркских и т. д.)

Истоки евразийства обычно возводят к славянофильской традиции. Сами евразийцы считали своими предшественниками старших славянофилов (Алексей Хомяков, братья Аксаковы), поздних славянофилов, таких как Константин Леонтьев, Николай Страхов и Николай Данилевский, а также Гоголя и Достоевского как публицистов. Наследниками славянофилов считали евразийцев и многие исследователи и критики евразийства (Степун даже назвал евразийцев «славянофилами эпохи футуризма»)

Однако евразийство имеет ряд существенных отличий от славянофильства. Евразийцы отрицали существование славянского культурно-исторического типа и считали, что культуры **туранских народов**, связанных с русскими общей исторической судьбой, ближе к русской культуре, чем культуры западных славян (чехов, поляков). Евразийцы отвергали также и панславистский политический проект, их идеалом было **федеративное евразийское государство в границах СССР до 1939 года** (единственное отличие — евразийцы предлагали включить в состав СССР Монголию).

- Кроме того, евразийцам была чужда **славянофильская апология общины**.
- Ещё в предисловии к первому сборнику «Исход к Востоку» евразийцы утверждали, что **община** — историческая, переходящая форма русской культуры, которую нужно преодолеть в ходе модернизации страны.
- В области **экономической** евразийцы выступали за широкое использование энергии **частной инициативы**. При этом они были противниками чистого капитализма и призывали совмещать условно частную (функциональную) собственность с государственной.

Евразийство возникло среди эмигрантской интеллигенции 20-х гг. как **реакция на события 1917 года** и было устремлено отнюдь не оправдать их, а извлечь из них некоторые, наиболее общие исторические и геополитические уроки. Хотя евразийцев за якобы симпатии к большевикам резко критиковали такие авторитеты, как Бердяев, Ильин и Федотов, не говоря уже об открытых западниках, это течение русской культурологической мысли оставило заметный след в российской философск

Николай Трубецкой впервые заявил в 1925 году, что Россия является наследницей не **Киевской Руси**, а **Монгольской монархии**. Русских и кочевников связывает особое умонастроение или «бытовое исповедание», которое основано на идеях личной преданности, героизма, духовной иерархии и вере в высшее начало мира. Эти ценности несовместимы с европейским мещанством и меркантилизмом.

Евразийство образует обновлённую антитезу западничеству. Революция, большевики и СССР содержат историческую правду, так как они подсознательно реализуют евразийский проект сопротивления Западу в содружестве с азиатскими народами. Другой евразиец Петр Савицкий обогатил это мировоззрение понятиями «**место развития**» (аналога «жизненного пространства») и «**идеократии**» (подчиненности человеческой жизни высшим идеям)

При этом **Европа**, включая западное славянство, представлялась евразийцам отнюдь не образцом, а **опасным для российской культуры фактором**.

Так, идеи представительной демократии и социализма, якобы противопоказанные Евразии, по мнению евразийцев, были искусственно занесены в Россию с европейского Запада.

Православие, являясь основным цементирующим началом, не вступало в противоречие с другими, нехристианскими религиями и культурами, а плодотворно сосуществовало и обменивалось с ними.

Важнейшим моментом в доктрине евразийцев было их **отношение к роли государства как инструмента принуждения**, особенно необходимого в условиях Евразии, где либерализм и слабая власть, по их мнению, всегда оказывались чем-то чуждым и непривычным для большей части народа. Переосмысливая славянофильское понятие соборности, евразийцы считали наиболее подходящей для России формой государственного устройства так называемую **идеократию**, т.е. такой принцип организации общества, когда выдвинутый народом «правлящий слой» объединяет и сплачивает определенная идея или доктрина, в русских национальных условиях, конечно, не марксизм-ленинизм, а более традиционное **православие**.

Л. Н. Гумилев

- Новая волна интереса к евразийству появилась в 80-е гг. XX века в связи с творчеством Л. Н. Гумилёва.
- Лев Николаевич Гумилёв (1912-1992) — советский и российский учёный, писатель и переводчик. Археолог, востоковед и географ, историк, этнолог, философ.
- Создатель пассионарной теории этногенеза.

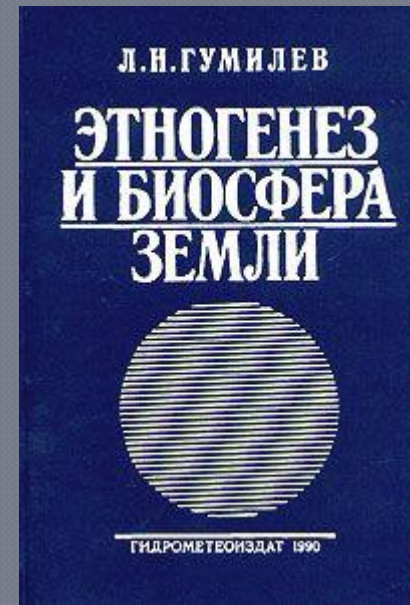
Теории

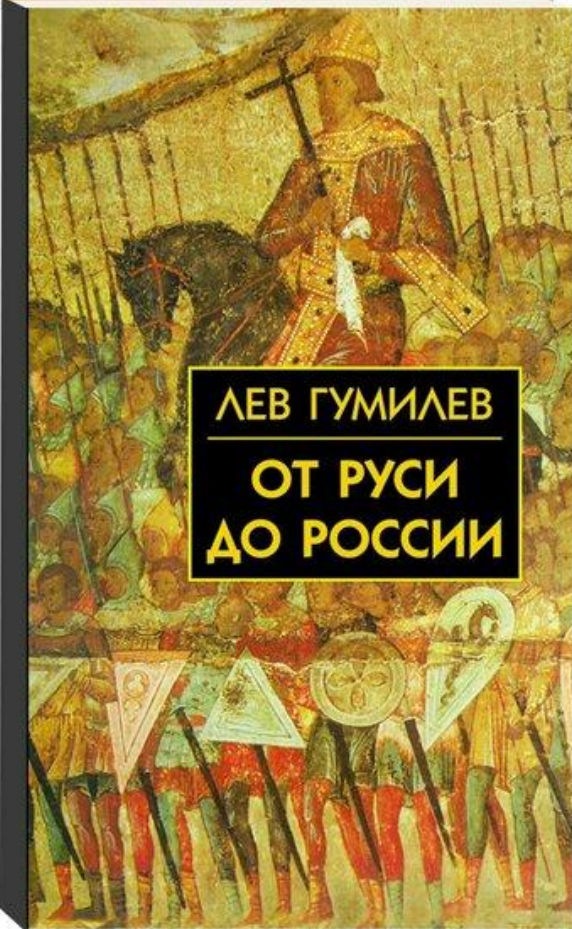
- ◉ В 60-е годы выдающийся советский историк Лев Николаевич Гумилев начал публиковать свои работы по проблемам этногенеза и пассионарности.
- ◉ В 1979 году его основополагающий труд «Этногенез и биосфера Земли» был готов, но он был опубликован в СССР только через 10 лет, в 1989 году. В этой книге ученый фактически продолжает мысли П. Н. Савицкого о влиянии географических ландшафтов на этнические особенности: «с одной стороны, этнос является производным от исторического процесса, а с другой., связан с биоценозом того ландшафта, в котором образовался», об уникальности различных культур и несводимости их к культурным формам Европы: «Конечно, нас не может не огорчать весьма распространенное мнение, будто все государственные формы, общественные институты, этнические нормы., не похожие на европейские, - просто отсталые, несовершенные и неполноценные. Банальный европоцентризм. не годен для научного осмысления разнообразия наблюдаемых явлений. Ведь с точки зрения китайца или араба неполноценными кажутся западные европейцы».

Этногенез

- Разработанная ученым теория этногенеза, этнических циклов, связанных с моделью пассионарности (особого человеческого качества, которое возникает под воздействием солнечной энергии), а также его мысли о слиянии истории, географии и этнографии в единое целое не имеют аналогов в евразийской мысли. В этом своеобразие его теории: единственный из евразийцев, он может рассматриваться вне их идейно-политического контекста. Работы Л. Н. Гумилева продолжали традиции «географического» евразийства П. Н. Савицкого, но при их последовательном рассмотрении они приводят нас к биолого-историческому детерминизму (сроки рождения и смерти этносов зависят не от культурно-исторических факторов, а от природных, естественных).

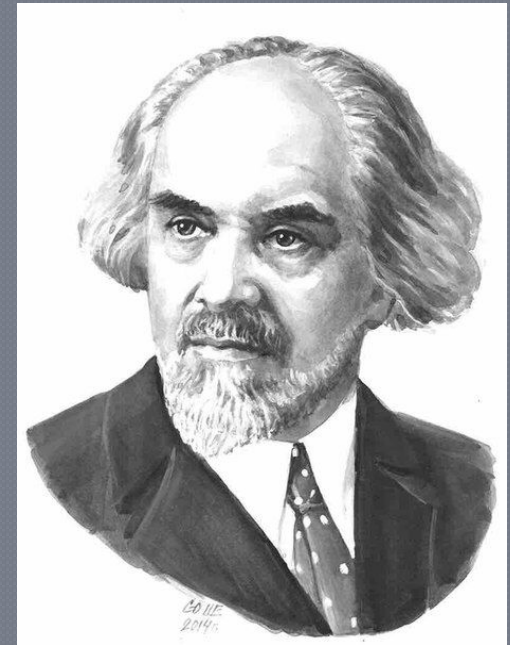
Суперэтнос

- Он также развивал евразийскую концепцию культурно-исторического типа Н.С. Трубецкого, встроив ее в этническую иерархию и назвав суперэтносом: «Суперэтносом мы называем группу этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением. Суперэтнос определяется не размером, не мощностью, а исключительно степенью межэтнической близости».

Противоречивые впечатления

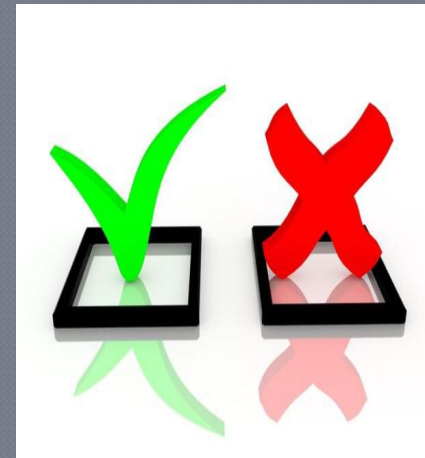
Современники, среди которых известные русские философы и историки, стремились выявить причины возникновения, сущность и характер евразийства как нового политического и идеологического движения. Так, философ Н.А. Бердяев полагал, что идеи евразийцев необходимо оценивать не по существу, но по симптоматическому их значению. Н.А. Бердяев говорил, что идеология евразийцев соответствовала мироощущению молодых людей, переживших войну и революцию. Евразийство - своего рода реакция национального духа на происходящую с Россией катастрофу, но эта реакция, по его мнению, не духовно-интеллектуального, но эмоционально-политического порядка.

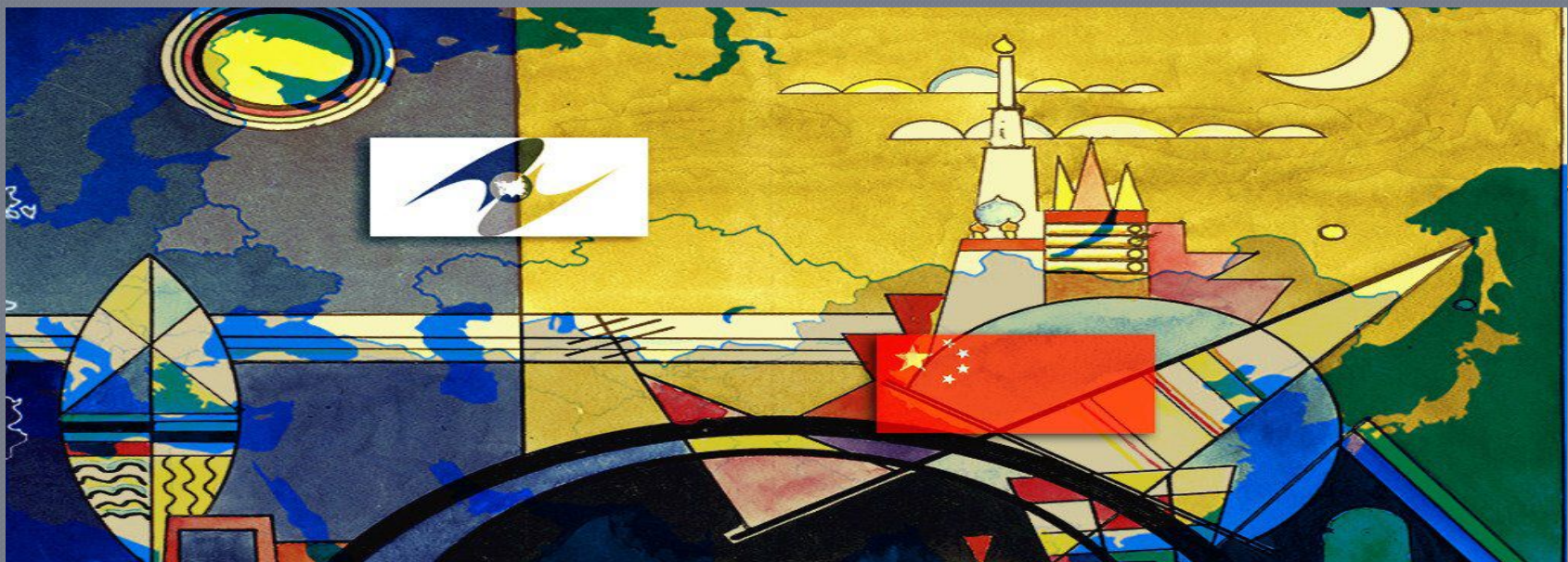
Н. А. Бердяев

Русский религиозный и политический философ, представитель русского экзистенциализма и персонализма.

К положительным моментам евразийства Н.А. Бердяев относил осознание евразийцами мирового кризиса и начала новой исторической эпохи, связанной с включением в мировой культурно-исторический процесс помимо европейской культуры также и других народов. Однако философ подверг серьезной критике отрицание евразийцами универсализма культуры и превратное отношение к западной цивилизации. Также, считает Н. А. Бердяев, заслуживает критики евразийское понимание русского духовного типа, поскольку, прежде всего, они обращают внимание не на своеобразие русской религиозности, но выделяют этнографические и бытовые основы русского православия.

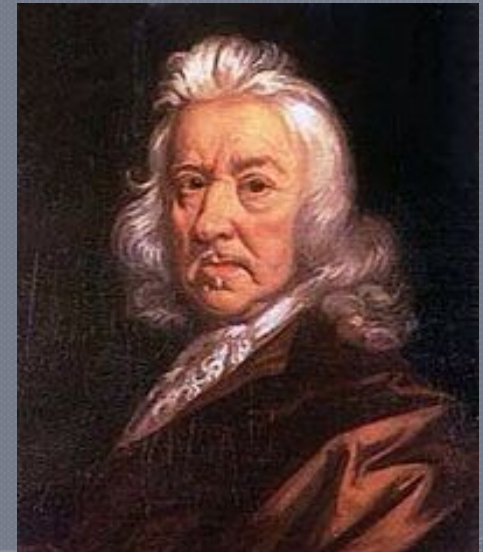
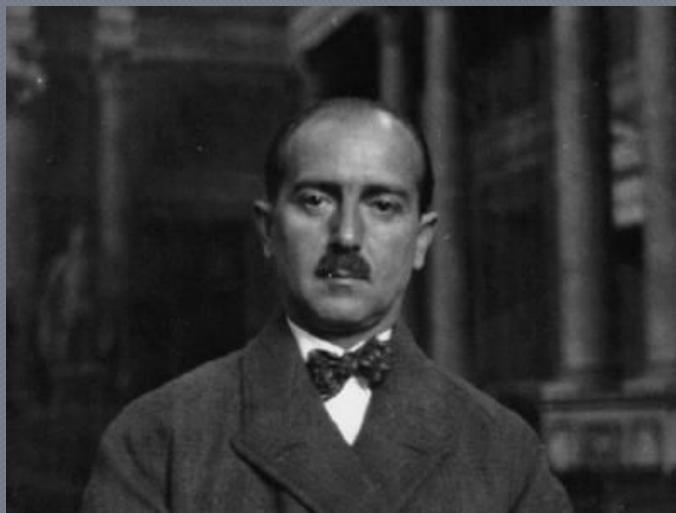
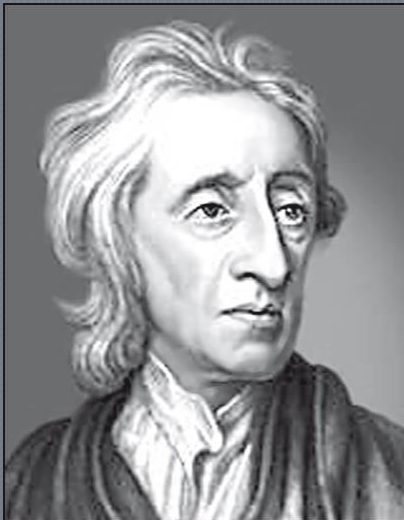

Евразийцы стремились к созданию всеобъемлющего мировоззрения, которое бы объясняло явления не только социального, но и природного бытия. В подобном контексте совершенно по-новому ставился вопрос об уникальности России как «мира в себе», чье природное и социокультурное пространство, исторический путь отличны от пространства и ритмов Европы и Азии. Этот «мир», по мнению евразийцев, нуждается в особой политико-правовой форме. Осознавая проблему территориальной целостности Российского государства, авторы обосновывали ее субстанциально, через единство равнинного по преимуществу мира: «Евразия» отделяется от Европы «пулковским» меридианом, границей с «Азией» служат хребты Кавказа, Памира, Тянь-Шаня и т.д. Единство такого пространства отрицает отчуждаемость территорий, отвергает право сецессии.

Оказавшись в изгнании, евразийцы не только критиковали современное им советское государство, но и пытались предложить свое видение государственного идеала. При этом они поставили множество вопросов, значимых для того времени: о соотношении «власти» и «знания», ценностных основаниях права, связи политической формы с территорией, на которой располагается государство. Эти вопросы и сегодня являются важными для юридических и политических наук, поэтому евразийство причастно не только контексту российской, но и мировой общественной мысли.

Как и античные авторы, евразийцы мыслили, прежде всего, в терминах целей, а не учреждений, отсюда и сложности в построении государственно-правовых моделей, поскольку, находясь на подобных позициях, евразийцы отрицали многие тезисы философов права Нового Времени. Тем самым им невозможно было принять ни естественно-правовую доктрину Д. Локка, ни правовой позитивизм, отчасти основанный на идеях Т. Гоббса, ни неопозитивизм Г. Кельзена, ни методологию Г. Еллинека, обоснованность которых оспаривал Н.Н. Алексеев. Вот почему современная юриспруденция, сформированная во многом различными научными школами Нового времени, должна смотреть на евразийское учение о праве, как минимум, снисходительно, обычно же - не признавать вовсе.

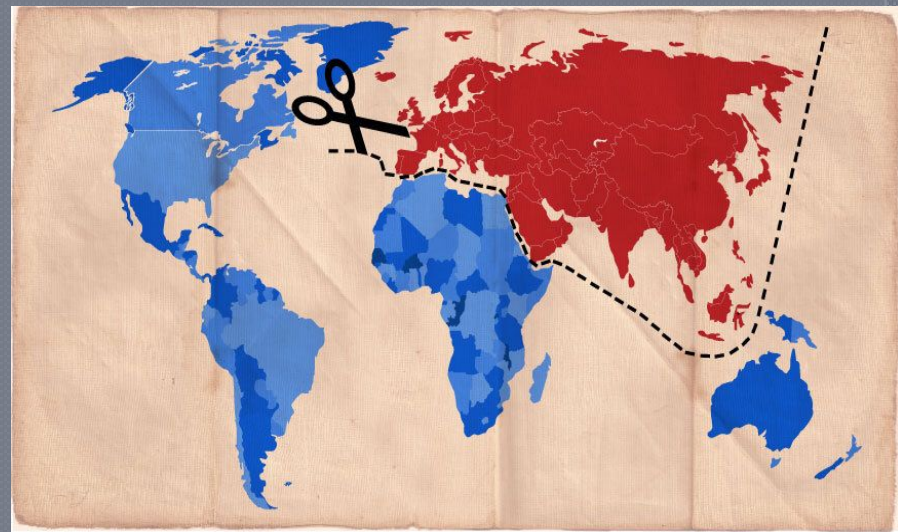

Тем не менее, идеи, высказанные евразийцами относительно отрицания линейности истории, их стремление признавать за каждой культурой присущую ей уникальность нельзя считать чуждыми европейской науке. В европейской юриспруденции нечто подобное воззрениям евразийцев имело место уже конце в XVIII в.

Также прослеживается связь евразийцев с политико-историческими взглядами романтиков начала девятнадцатого века. Развитие правовой культуры напрямую зависит от развития духовной культуры нации как гораздо более широкой сферы идей и явлений. Данный тезис отстаивали романтики, и евразийцы, конечно, в этом не уникальны, но и неправыми их также не назовешь. Вот почему в подобном контексте очень интересно проследить за сходствами и различиями между евразийством и исторической школой права.

Однако, нельзя считать евразийцев последователями немецкого романтизма или же исторической школы права. Положения славянофилов, считающиеся вроде бы исконно русскими, во многом сформировались благодаря германским романтикам и немецкой классической философии, особенно взглядам Шеллинга и Гегеля. Однако подобное обстоятельство вовсе не исключает славянофилов из течения русской общественной мысли. Точно так же и евразийцы, интерпретировавшие мысли западных авторов, включены, тем не менее, в русский идейный контекст.

Заключение

За принятой внешне догматикой, известным набором формул «идеократии» и «демотии» скрывались взрывоопасные различия, в итоге приведшие евразийство к творческой неудаче в области последовательного утверждения его политико-правовой доктрины. Политическое евразийство стремилось раздвинуть рамки таких оппозиций, как «право-обязанность», «централизация-децентрализация», пройти по тонкой грани между учением о «минимальном государстве» и теорией неограниченного правления. Евразийцы жаждали совершить акт трансгрессии, выйти за пределы привычного для того времени политико-правового дискурса, однако эту попытку трудно назвать успешной. Они интерпретировали чужие теории, временами метко их критикуя, но, к сожалению, не создали чего-то действительно целостного.

Тем не менее, взгляды этих ученых, не образующие теории, иногда даже ярче четких концепций. Подобные взгляды симптоматичны, они обнажают проблемы возникновения и развития системы идей в критические моменты истории. Задача данной главы - в попытке представить теоретическую противоречивость политического евразийства. Ведь именно доктринальная неудача в области политической и правовой философии, равно как и практическая невозможность осуществить что-либо значимое в области государственного строительства, и привели к закату евразийства в конце 1930-х гг.

**Спасибо за
внимание!**